

КОГДА СОСТОЯЛСЯ ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПРОТИВ РУСИ?*

DOI: 10.32608/1607-6184-2023-30-1-231-246

Аннотация: В соответствии с господствующей историографической тенденцией принято говорить о происходивших в XIII в. крестовых походах против Руси, во время которых русские земли должны были защищаться как от крестоносцев, так и от монголов. Центральным персонажем этого нарратива является князь Александр Невский, а папы представляются организаторами крестового похода против Руси. Автор настоящей статьи доказывает, что тематика руководимых папами северных крестовых походов против православных территорий была в российской историографии маргинальной вплоть до начала 40-х гг. XX в.

Эта проблематика была заимствована из финской историографии лишь во время Второй мировой войны, причем поначалу в пропагандистских публикациях. В Средние века крестовый поход против православных (против Руси) впервые был оправдан в Северной Европе во время похода шведского короля Магнуса против Новгорода в 40-50-е гг. XIV в.

В соответствии с господствующей историографической тенденцией принято говорить о состоявшихся в XIII в. крестовых походах против Руси, когда ее земли должны были защищать себя как против западных (крестоносцев), так и против восточных (монголов) агрессоров.

Широко известная пропагандистская картина непримиримого конфликта между православием и католицизмом, между Россией и Европой, Востоком и Западом сформировала представление о Руси как важной цели северных крестовых походов, центральным событием которых была победа Александра Невского¹ над рыцарями Тевтонского ордена в битве на льду Чудского озера в 1242 г.² Князь Александр Ярославович якобы должен был сделать исторический

---

* Данная статья основана на публикации, находящейся в печати. См.: *Selart*. (В печати).

¹ Шенк. 2007.

² Данилевский. 2004а; Данилевский. 2005; Isoaho. 2005; Ostrowski. 2006.

выбор и идти на сотрудничество с монголами, дабы спасти Русь от католического гнета и неизбежно следующего из него разрушения русской духовности и культуры.

Этот тезис был эксплицитно сформулирован в 1925 г. находившемся в эмиграции русским историком Г.В. Вернадским (1887–1973)³ и позже – за исключением религиозной эзотерики Вернадского – после Второй мировой войны был принят советской историографией. Работавший в Москве историк В.Т. Пашуто (1918–1983) заявил в 1949 г., что, заключая союз с Ордой и ведя войну с «Западом», князь Александр Невский спас Россию, так как крестоносцы (а не татаро-монголы) представляли собой настоящую опасность существованию русского народа, его культуре и религии⁴.

Однако, как недавно сформулировал А.А. Горский, «постановка вопроса о так называемом “выборе Александра Невского между Востоком и Западом” неосновательна. Реальной альтернативы не было»⁵. Оставив за скобками дискуссию о том, можно ли использовать термины «Восток» и «Запад» в этом контексте и в этот период, правомерно задаться вопросом о том, существовал ли вообще крестовый поход против Новгорода или Пскова в XIII в.?⁶

Средневековые источники рисуют многогранную картину крестовых походов XIII в., которые можно было бы рассматривать как антирусские. В контексте истории северных крестовых походов важен вопрос, на который нет ясного ответа: когда отношения между латинской и православной Церквями в Северной и Восточной Европе стали трактоваться как религиозный конфликт?⁷ На самом деле, в средиземноморском регионе картина также была гораздо более неоднозначной и в ней было намного больше нюансов, чем это может показаться на первый взгляд⁸. В начале XIII в. католическая Церковь не считала необходимым отправлять миссионеров обращать греков в новую веру, так как они уже приняли христиан-

³ Вернадский. 1925.

⁴ Пашуто. 1949: 74–76. Cf. Пашуто. 1968: 227–259, 290–301. Сходная точка зрения уже высказывалась Б.Ф. Поршневым, первоначально в его докладе 1942 г.: Поршнев. 1947.

⁵ Горский. 2021: 25.

⁶ Изложение фактических событий см. в.: Bysted et al. 2012; Хрусталеv. 2009.

⁷ Selart. 2015b: 20–47.

⁸ Bayer. 2002; Bruns, Gresser. 2005. Cf.: Harris. 2014.

ское учение (хотя и ошибочное)⁹. То же самое относилось к жителям Руси: религиозные разногласия существовали, но по сути это был раскол (схизма), а не ересь. И хотя в этот период знатоки канонического права оправдывали крестовые походы против схизматиков¹⁰, это касалось прежде всего Балкан и защиты Латинской империи¹¹. Также нет никаких указаний на то, что эта церковная теория была в общих чертах известна в северной Европе около 1200 г., потому что даже в Восточном Средиземноморье она стала актуальной только после 1204 г. В XII в. контакты между скандинавами и Русью еще существовали и в сфере религиозного почитания¹².

Хроники XIII в., повествующие о балтийских крестовых походах, не молчат о религиозных «зablуждениях» православных жителей Руси, но и не помещают их за пределы христианского мира¹³. Крестоносцы время от времени конфликтовали с Русью, но также регулярно объединялись с ней¹⁴. Однако начавшийся в 1240 г. поход из Эстонии на Водскую землю привел к настоящему территориальному спору с Новгородом. Тем не менее эта война оправдывалась не схизмой Руси, но язычеством племени вoдь и других финских племен данного края¹⁵. В XIII в. в Ливонии развивались города, для которых торговля с Русью была жизненно важной; эта торговля привлекала иммигрантов не только из Германии, но и из Руси¹⁶.

Битва на Чудском озере 1242 г. была предопределена сложившимся в 30-е гг. XIII в. союзом между католическим епископом Тарту (Дерпт) и местной анти-суздальской оппозицией в Пскове. К тому же битва при Раквере (Раковоре) 1268 г., возможно, привела к тому, что ливонцы отказались от своих попыток захватить власть на территориях к востоку от реки Наровы, на которые простирались притязания Новгорода; тем самым была создана основа для «мирного сосуществования», подтвержденного договором в 1268 или 1269 гг.¹⁷

⁹ Schabel. 2015: 256–261. Cf.: MacEvitt. 2008: 138–139.

¹⁰ Burkhardt. 2017.

¹¹ Chrissis. 2012; Chrissis. 2014.

¹² Lind. 2017: 129.

¹³ Selart. 2015b: 171–194, 279–291. Cf.: Nielsen. 2009.

¹⁴ Об отношениях между конфессиями в средневековой Ливонии см.: Gil. 2019: 33–41; Спиргус. 2020.

¹⁵ Селарт. 2005–2009.

¹⁶ Selart. 2009b.

¹⁷ Селарт. 2009; Selart. 2015b: 250.

В соответствии с политической аргументацией Ливонии и Пруссии «русы» действительно, особенно начиная со второй половины XIII в., являлись врагами христианства, но, как правило, не в качестве независимой силы, а в качестве подданных «татарских» или литовских «язычников»¹⁸. Обширная экспансия Великого княжества Литовского, начавшаяся около 1250 г., привела к тому, что большинство подданных великих князей литовских были православными жителями Руси.

Карелия, находящаяся на границе между Шведским королевством и Новгородом, была другим регионом, где между православным и католическим мирами происходили настоящие конфликты¹⁹. Сфера новгородского влияния фактически простиралась на этот край²⁰. Вопрос состоит в том, стали ли – и когда – шведские (или финские) военные экспедиции рассматриваться как крестовый поход против Руси. Вероятнее всего, это случилось только в конце Средних веков²¹. Лишь в начале XIV в. переводы рыцарских романов и *chansons de geste* достигли Швеции, тем самым проложив путь к приравниванию схизматической Руси к «сарацинам»²². То, что такое приравнивание произошло, явствует из «Хроники герцога Эрика», анонимной стихотворной хроники, написанной между 1320 и 1332 гг.²³ Одна из самых важных ее тем – происходившее ок. 1300 г. соперничество с Новгородской Русью за контроль над Карелией и Ингрией, в свете которого шведский конфликт с Русью был перенесен автором также в XII в.²⁴

Настоящий крестовый поход шведского короля Магнуса Эрикссона против Новгорода начался лишь в 1348 г. Прибыв на берег Карелии со своим флотом, государь послал Новгороду предложение вступить в религиозные дебаты. После того, как это предложение было отвергнуто, шведы начали крестить языческий народ вокруг Невы, что в действительности вело к их подчинению и обложению налогами. В августе была захвачена крепость Орешек

---

¹⁸ Selart. 2015b: 292.

¹⁹ Korpela. 2002; Korpela. 2006.

²⁰ Korpela. 2008: 19–27; Olesen. 2016; Olesen. 2022.

²¹ Heikkilä. 2005: 97–98, 115–18; Møller Jensen. 2007: 135–136. Cf.: Korpela. 1997; Lind. 2015.

²² Bandlien. 2016: 340–341.

²³ Erikskrönikan. 1963.

²⁴ Lindkvist. 2001: 127–129; Heikkilä. 2016: 226–227.

(Нотеборг), которая позволяла контролировать исток реки Невы, а стало быть, все судоходство между Новгородом и Балтийским морем. По возвращении короля Магнуса домой новгородцы после длительной осады в феврале 1349 г. отвоевали замок. В 1350 г. Магнус предпринял новый поход, но получил отпор, а королевский флот в значительной степени был разбит во время штурма. С одной стороны, крестовый поход Магнуса был продолжением давней политики шведской короны, направленной на укрепление контроля над Карелией. В то же время он был связан с мистическими и несбыточными наказами св. Биргитты Шведской (1303–1373), предложившей брать с собой священников и монахов определенных религиозных орденов, которые могли бы наставлять язычников в христианской вере. После провала этого плана Магнус вышел из фавора Биргитты по той причине, что прервал крестовый поход из-за сложностей с обеспечением королевской армии. Однако ее упреки относятся к тому времени, когда Биргитта уже покинула Швецию и начала поддерживать внутренних врагов Магнуса²⁵.

Кроме этого эпизода, связанного с походом Магнуса, источники XIV и первой половины XV вв. из Ливонии и Швеции время от времени используют опасность и географическую близость схизматической Руси или православного мира как аргумент в тяжбах, которые велись в папской курии, доказывая, например, то, что та или иная сторона требует поддержки в борьбе против своих католических соперников²⁶. Однако, как правило, «схизматики» были в этом контексте второстепенной целью по сравнению с «неверными» (в ливонском и прусском контексте термин означает главным образом литовских язычников), против которых Тевтонский орден вплоть до 1410-х гг. продолжал регулярно организовывать крестоносные экспедиции с участием западных рыцарей²⁷.

На протяжении XIX–XX вв. тема средневековых войн в Прибалтике как крестовых походов обычно заслонялась в трудах по средневековой истории Ливонии другими темами. Вместо этого особое значение придавалось национальным и экономическим мотивам средневековых завоеваний и конфликтов²⁸. С другой стороны, в российской историографии тезис о тщательно спланированных

²⁵ Morris. 1999: 83–85; Maillefer. 2003; Selart. 2022: 258–262.

²⁶ Selart. 2009a; Srodecki. 2015.

²⁷ Paravicini. 2007: 305–314; Murray. 2010; Selart. 2015b: 289–291.

²⁸ Selart. 2016.

крестовых походах против Руси, на протяжении Средневековья направляемых папой, был главной темой русских авторов²⁹. Изображение Руси в качестве цели крестоносцев в XIII в. продолжает восприниматься как нечто обычное в научно-популярной и специальной сфере³⁰. В то же время научные исследования последних десятилетий в значительной степени продвинули нас к пониманию сюжета во всех его нюансах. Этот поворот начался в 1990-е гг. и был связан с растущим влиянием «плюралистского» подхода³¹ в исследовании Северных крестовых походов³² и переосмыслении устоявшихся идеологических моделей русской историографии³³. В немногочисленных случаях уже русские историки XIX в. – такие, как С.М. Соловьев (1820–1879) и Н.И. Костомаров (1817–1885) – употребляли термин «крестовый поход против Руси» и/или изображали папу подстрекателем войны против России³⁴. Тем не менее в этих примерах военные конфликты на границах Новгорода и Пскова не рассматривались как столкновения между «цивилизациями» или как централизованная организованная агрессия, направленная против России. Например, в пропагандистской, но чрезвычайно влиятельной брошюре советского историка Антона Козаченко (1900–1962) о Ледовом побоище, опубликованной в 1938 г., автор, основываясь на сочинениях Соловьёва и Костомарова, просто упоминает о папстве как движущей силе деятельности «крестоносных банд»; самой темы крестового похода он при этом совершенно не касался³⁵. Парадоксальным образом представление о Руси как цели крестовых походов XIII в. возникло не в русской, а финской историографии, и в русский дискурс эта идея была перенесена на удивление поздно³⁶.

²⁹ См., например: *Флоря*. 2010: 102–108. Ср.: *Matusova*. 2001.

³⁰ Напр.: *Tuerman*. 2006: 696–697; *Сахаров* и др. 2010: 165–174.

³¹ *Riley-Smith*. 2016.

³² См. их яркое обобщение в кн.: *Bysted et al*. 2012.

³³ См, напр.: *Данилевский*. 2004b: 181–206. См. также: *Ekdahl*. 2005: 192–94. Об использовании фигуры Александра Невского в политических целях см.: *Wijermars*. 2018: 84–121.

³⁴ *Соловьев*. 1988: 148 (цитата); *Костомаров*. 1863: 357–366; *Костомаров*. 1873: 155–156.

³⁵ *Козаченко*. 1938: 23, 32, 35. Cf.: *Шенк*. 2007: 291.

³⁶ Ср.: *Naarala* et al. (eds.). 2017.

Три христианских военных похода в Финляндию и Карелию, состоявшиеся около 1150 г., в 1238/1239 или 1249 г.³⁷, а также в 1293 г., представлялись как важные вехи финской истории уже авторами XVI в.³⁸ Финский ученый Габриель Рейн (1800–1867), сочетавший в своем исследовании латинские источники и источники по Руси, связал эти события с русской средневековой историей и начал описывать Финляндию как поле соперничества между западным миром и Россией³⁹. Эта исследовательская традиция была очень сильно развита Яалмари Яаккола (1885–1964), финским историком, который, желая показать особую историческую роль Финляндии в мировой политике⁴⁰, рассматривал страну как «крестonosную провинцию» – поле битвы между Востоком и Западом⁴¹. Наиболее подробно представление о Финляндии и странах Прибалтики как арене судьбоносных битв всевропейской значимости было развито финским историком Густавом Адольфом Доннером (1902–1940)⁴². Медиевист Доннер происходил из семьи интеллектуалов и предпринимателей финских шведов. Он защитил диссертацию в университете Хельсинки и был убит во время Зимней войны, защищая свою страну от советских агрессоров. Его наиболее влиятельным трудом была монография о деятельности папского легата Вильгельма Моденского в балтийском регионе в 1220 и 1230-е гг., в которой Вильгельм был представлен организатором крестового похода против Новгорода⁴³.

Публикации Доннера, Яакколы и немецкого католического ученого Альберта Мария Аммана (1892–1974)⁴⁴ послужили «резервуаром» идей для молодого ленинградского историка И.П. Шаскольского, опубликовавшего в 1940–1941 гг. несколько научно-популярных статей по истории агрессии Швеции, Финлян-

---

³⁷ О датировке см.: *Lind*. 1991.

³⁸ *Juusten*. 1988: 49; *Fewster*. 2006: 105. Cf.: *Lindkvist*. 2009; *Wasko*. 2013.

³⁹ *Rein*. 1831; *Rein*. 1968 (1-е изд. 1839). См. также: *Geijer*. 1926: 491–492, 501, 519–520.

⁴⁰ *Tommila*. 1989: 186–190.

⁴¹ *Jaakkola*. 1938: 270–297.

⁴² О влиянии Доннера на советскую и/или русскую историографию см.: *Nolte*. 1976: 214–217; *Lind*. 1995: 44; *Nazarova*. 2001: 183; *Флоря*. 2007: 192.

⁴³ *Donner*. 1929: 217–223.

⁴⁴ *Ammann*. 1936. К этому времени Амман уже развил идеи, первоначально высказанные Доннером.

дии и стран Прибалтики против России⁴⁵. Шаскольский использовал общие концепты этих историков; однако, на самом деле он менял знаки «доброй» и «злой» сторон. Подоплекой этого стала «Зимняя война», советская агрессия против Финляндии в 1939–1940 гг.⁴⁶, советская оккупация стран Прибалтики в 1940 г. и война между Германией и Советским Союзом в 1941–1945 гг. Вскоре после войны, в 1951 г. Шаскольский опубликовал статью со знаменательным названием «Папская курия – главный организатор крестовоносной агрессии 1240–1242 гг. против Руси». Важный тезис, предложенный в этой статье, заключался в том, что Ливония не могла быть истинной целью балтийских крестовых походов. «Весьма вероятно, что Рим уделял такое большое внимание Ливонии и Финляндии, заботясь о подчинении господству католической церкви не только этих небогатых северных стран с их отсталым населением; по-видимому, уже сравнительно рано папский престол стал рассматривать Ливонию и Финляндию как плацдарм для будущего наступления на огромные и богатые русские земли»⁴⁷.

И.П. Шаскольский рассматривал Карелию и до некоторой степени также Финляндию как часть Новгорода или по крайней мере как подвластные ему земли, а, стало быть, шведские крестовые походы в Финляндию и Карелию стали для него антирусскими⁴⁸. И.П. Шаскольский сочетал «финно-центризм» Якакколы с рядом идей и с еще более утрированным «руссо-центризмом». Он часто ставил термин крестовый поход в кавычки, чтобы подчеркнуть его обманчивую природу. В его понимании этот термин подразумевал хищническое завоевание, которое ведется при поддержке папы и под предлогом обращения в латинское христианство⁴⁹. В своих работах он ставил акцент как на якобы антирусской агрессии

---

⁴⁵ Библиография. 2018.

⁴⁶ Барышиников. 2018: 12–13.

⁴⁷ Шаскольский. 1951: 172.

⁴⁸ Шаскольский. 1978: 38–40.

⁴⁹ Ср. определение, данное в пропагандистской брошюре другим советским историком: «Шведские феодалы облачали свои хищнические захватнические войны в форму походов, имевших якобы единственной целью обращение язычников в христианство»: Мавродин. 1944: 8. После Второй мировой войны советская историография более не включала финнов в список врагов средневековой Руси.

Швеции⁵⁰, так и на безусловно законные попытки России защитить ее выход к Балтийскому морю⁵¹.

Доннер был также основным источником для книги «Папство и Русь в X–XV веках» (1959), написанной ленинградским историком Б.Я. Раммом (1902–1989). Рамм считал территорию Ливонии частью государства средневековой Руси⁵², и поэтому он рассматривал завоевание Прибалтики крестоносцами как «крестоносную» агрессию против Руси⁵³. В.Т. Пашуто также придерживался такого образа мыслей. Его статья «О политике папской курии на Руси (XIII век)»⁵⁴, опубликованная в 1949 г., была насыщена выдержанной в советской стилистике иронической полемикой, направленной в первую очередь против Амманна, при том, что Пашуто на самом деле заимствовал у него общую картину ведущей роли папы в отношениях между Русью и Латинской Европой. Позже Пашуто также ясно связал средиземноморские и балтийские крестовые походы и рассматривал последние как «реакционную» и «феодалную» антирусскую агрессию под руководством римских пап⁵⁵.

К тому же русскоязычные авторы нечетко использовали термины «крестоносцы», «крестоносный» в контексте балтийской истории. Начиная с XVIII в. это слово в русском языке отсылало как к крестоносцам, так и к тевтонским рыцарям⁵⁶. Последнее значение подверглось значительному влиянию соответствующего термина из польского языка – *Krzyżacy*. В польской национальной историографии существовала сильная тенденция демонизировать Тевтонский орден, что, в свою очередь, хорошо подходило для черно-белой советской картины⁵⁷. Поэтому часто используемое выражение «крестоносная агрессия» может быть понято, в зависимости от контекста, как «агрессия крестоносцев» или как «агрессия Тевтонского ордена». Обычное употребление термина «крестоносная агрессия» в историографии советской эпохи, возможно, служило средством выражения идеи «изначального немецкого врага», которая была

---

⁵⁰ Шаскольский. 1987б.

⁵¹ Шаскольский. 1987а.

⁵² Ср.: Selart. 2015а.

⁵³ Рамм. 1959: 95–134.

⁵⁴ Пашуто. 1949: 52–76. Cf.: Пашуто. 1968: 227–259, 290–301.

⁵⁵ Пашуто. 1969.

⁵⁶ Словарь. 2000: 10.

⁵⁷ Serczyk. 2001; Бессуднова. 2018: 104–105.

заменена идеей «извечного западного врага» в советской пропаганде времен «холодной войны», когда после создания государства Восточной Германии градус ненависти к немцам был снижен. Применительно к Средним векам именно папа характеризовался как лидер абстрактной силы под названием «Запад»⁵⁸. «Крестовый поход» продолжали рассматривать как ширму для преступного желания немцев расширить экспансию на Восток (*Drang nach Osten*). Советские историки также объявляли, что они полагались на авторитетное мнение Карла Маркса и Фридриха Энгельса, что на самом деле было неправдой: в своих сочинениях Маркс и Энгельс были склонны рассматривать германскую экспансию в средневековой Восточной Европе как исторически прогрессивное явление⁵⁹.

Отличное краткое изложение этой концепции, сформулированной около 1950 г., представлено в книге сталинской эпохи, посвященной истории Эстонии (1952):

Свои злодеяния захватчики совершали под флагом распространения христианства, с благословения папы Римского, который приумножал таким путем свои богатства [...] Свою кровавую агрессию немецкие завоеватели осуществляли под флагом крестовых походов [...] К Прибалтике папы Римские проявляли особый интерес еще и потому, что рассматривали эту территорию как удобный плацдарм для наступления на Русь: они помышляли об уничтожении независимости русской церкви и покорении русского народа. С вторжением немецких захватчиков в Прибалтику эта территория превратилась в очаг всевозможных происков, направленных против Руси⁶⁰.

В этой концепции отражена также гегельянская идея «наций без истории», в соответствии с которой народы стран Прибалтики или Финляндии были важны не сами по себе, но только как периферийное дополнение к истории России⁶¹.

Гипотезы обращавшихся к Ливонской истории советских авторов зиждились на представлении о том, что до крестовых походов Эстония и Латвия были в большей или меньшей степени под контролем Руси. Главным событием в этом регионе в сер. XIII в. виде-

⁵⁸ Nolte. 1976: 214–218; Wippermann. 1981: 66; Шенк. 2007: 436–444.

⁵⁹ Wippermann. 1980.

⁶⁰ История. 1952: 34–35.

⁶¹ Об этом концепте см.: Kappeler. 1991: 33–35.

лось сдерживание тевтонской агрессии на границе Руси и победа в Ледовом побоище в 1242 г. Роль Александра Невского как святого и национального героя этих событий всегда заслоняла битву между Русью и силами Ливонии около Раковора в 1268 г., хотя последняя в военном и политическом значении была более значимой⁶².

Начиная с XVIII в. средневековые войны все больше рассматривались как современная битва за морские торговые интересы России. В Финляндии и в странах Прибалтики, «русская угроза часто могла привлекаться в качестве причины события, независимо от того, были ли русские фактически способны представлять угрозу в это время или нет»⁶³. Роль Александра Невского в отражении западной агрессии очень широко принята в историографии, и в России, и за ее пределами⁶⁴. Идея того, что католическая Церковь планировала агрессивную политику против Руси, особенно в 1230-е и 1240-е гг., впервые сформулированная Густавом Адольфом Доннером, нашла свое место в стандартной англоязычной учебной литературе⁶⁵. Парадокс заключается в том, что в XIII в., в период расцвета крестоносной деятельности в Прибалтике, не было крестового похода, который можно было бы четко назвать походом против Руси или антиправославным походом. Предположение о том, что Русь/Россия и Европа представляют собой абсолютно разные конфликтующие сущности, возникло только в современный период⁶⁶. Только тогда средневековые балтийские крестовые походы постепенно начали переосмысляться как походы, которые были направлены главным образом против Руси.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Erikskrönikan enligt Cod. Holm: D 2 jämte avvikande läsararter ur andra handskrifter / Ed. R. Pipping. Uppsala, 1963.

Juusten P. Catalogus et ordinaria successio episcoporum finlandensium / Ed. S. Heininen. Helsinki, 1988.

---

⁶² Selart. 2015b: 242-252.

⁶³ Lind. 2005: 275.

⁶⁴ Isoaho. 2006: 100-101.

⁶⁵ Urban. 1975: 162-169; Urban. 1994: 189-99; Christiansen. 1980: 126-131. Cf.: Bysted et al. 2012: 272-280.

⁶⁶ Laruelle. 2008: 2-4, 119-222.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В.Н. Игорь Павлович Шаскольский – создатель ленинградской школы историков-скандинавистов // «Моя специальность – Древняя Русь». Сборник к 100-летию со дня рождения И.П. Шаскольского / Ред. Г.М. Коваленко и др. СПб., 2018. С. 7–16.

Бессуднова М.Б. Ливонский орден в современной зарубежной историографии // Средние века. 2018. № 79/1. С. 103–125.

Библиография трудов И.П. Шаскольского // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Игоря Павловича Шаскольского / Ред. П.В. Седов и др. СПб., 2018. С. 421–455.

Вернадский Г.В. Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. 1925. № 4. С. 318–337.

Горский А.А. Долгосрочные последствия деятельности Александра Невского // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения / Ред. П.Г. Гайдуков и др. М., 2021. С. 22–30.

Данилевский И.Н. Александр Невский: парадоксы исторической памяти // «Цепь времен». Проблемы исторического сознания / Ред. Л.П. Репина. М., 2005. С. 119–132.

Данилевский И.Н. Ледовое побоище: смена образа // Отечественные записки. 2004а. № 5. С. 528–540.

Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2004б.

История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Ред. Г.И. Наан. Таллин, 1952.

Козаченко А. Ледовое побоище. Из истории нашей Родины. М., 1938.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Ч. 1, т. 1. СПб., 1873.

Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. 1. СПб., 1863.

Линд Дж. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Ред. Ю.К. Бегунов, А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. С. 44–54.

Мавродин В.В. Борьба русского народа за Невские берега. Л., 1944.

Пауто В.Т. Борьба народов Руси и восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 112–129; № 7. С. 109–128.

Пауто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Пауто В.Т. О политике папской курии на Руси (XIII век) // Вопросы истории. 1949. № 5. С. 52–76.

Поршнев Б.Ф. Ледовое побоище и всемирная история // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. 1947. № 5. С. 29–45.

Рамм Б.Я. Папство и Русь в X–XV веках. М., 1959.

Сахаров А.Н. и др. История России с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2010.

Селарт А. Водь в западноевропейских источниках XIII–XIV века // *Stratum Plus. Культурная антропология и археология.* 2005–2009. № 5. С. 529–538.

Селарт А. Фридрих Хасельдорф, епископ Карелии // Д. Г. Хрусталеv. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. Т. 2. СПб., 2009. С. 272–278, 393–396.

Словарь русского языка XVIII века. Т. 11 / Ред. Ю.С. Сорокин и др. СПб., 2000.

Соловьев С. М. Сочинения. Книга 2: История России с древнейших времен, т. 3–4. М., 1988.

Стиргис Р. Историко-теологический контекст инкорпорации ливов и латгалов в структуре латинской церкви: Ливонская «уния» XIII в.? // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова.* М., Псков, 2020. Т. 35. С. 500–515.

Флоря Б.Н. (ред.). История России с древнейших времен до конца XVIII в. Учебник. М., 2010.

Флоря Б.Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.

Хрусталеv Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1–2.

Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987a.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии, конец XIII – начало XIV в. Петрозаводск, 1987b.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978.

Шаскольский И.П. Папская курия – главный организатор крестоносной агрессии 1240–1242 гг. против Руси // *Исторические записки.* 1951. № 37. С. 169–188.

Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.

Аттманн А.М. Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's. Studien zum Werden der russischen Orthodoxie. Rom, 1936.

Bandlien B. Norway, Sweden, and Novgorod. Scandinavian Perceptions of the Russians, Late Twelfth – Early Fourteenth Centuries // *Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries* / Ed. W. Jezierski, L. Hermanson. Amsterdam, 2016. P. 331–352.

Bayer A. Spaltung der Christenheit. Das sogenannte Morgenlandische Schisma von 1054. Köln, 2002.

Bruns P., Gresser G. (eds.). Vom Schisma zu den Kreuzzügen 1054–1204. Paderborn, 2005.

Burkhardt, S. Ut sit unum ovile et unus pastor. The Fourth Lateran Council and the Variety of Eastern Christianity // *The Fourth Lateran Council. Institutional Reform and Spiritual Renewal* / Ed. G. Melville, J. Helmrath. Affalterbach, 2017. P. 111–122.

Bysted A. et al. Jerusalem in the North. Denmark and the Baltic Crusades, 1100–1522. Turnhout, 2012.

Chrissis N. G. Crusading in Frankish Greece. A Study of Byzantine-Western Relations and Attitudes, 1204–1282. Turnhout, 2012.

Chrissis N. G. New Frontiers: Frankish Greece and the Development of Crusading in the Early Thirteenth Century // Contact and Conflict in Frankish Greece and the Aegean, 1204–1453. Crusade, Religion and Trade between Latins, Greeks and Turks / Ed. N.G. Chrissis, M. Carr. Farnham, 2014. P. 17–42.

Christiansen E. The Northern Crusades. The Baltic and the Catholic Frontier 1100–1525. Minneapolis, 1980.

Donner G.A. Kardinal Wilhelm von Sabina. Bischof von Modena 1222–1234, päpstlicher Legat in den Nordischen Ländern († 1251). Helsingfors, 1929.

Ekdahl S. Crusades and Colonization in the Baltic // Palgrave Advances in the Crusades / Ed. H. J. Nicholson. Basingstoke, 2005. P. 172–203.

Fewster D. Visions of Past Glory. Nationalisms and the Construction of Early Finnish History. Helsinki, 2006.

Geijer E. G. Samlade skrifter / Ed. J. Landquist. Stockholm, 1926. Vol. 5.

Gil A. Kościoły wschodnie w Inflantach i ich zaplecze w okresie od XIII do początku XIX wieku. Konteksty – uwarunkowania – tradycje. Lublin, 2019.

Haapala P. et al. (eds.). Making Nordic Historiography. Connections, Tensions and Methodology, 1850–1970. New York, 2017.

Harris J. The ‘Schism’ of 1054 and the First Crusade // Crusades. 2014. № 13. P. 1–20.

Heikkilä T. An Imaginary Saint for an Imagined Community. St. Henry and the Creation of Christian Identity in Finland, Thirteenth – Fifteenth Centuries // Imagined Communities on the Baltic Rim, from the Eleventh to Fifteenth Centuries / Ed. W. Jezierski, L. Hermanson. Amsterdam, 2016. P. 223–252.

Heikkilä T. Pyhän Henrikin legenda. Helsinki, 2005.

Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. Leiden, 2006.

Isoaho M. The Warrior in God’s Favour. The Image of Alexander Nevskiy as a Hero Confronting the Western Crusaders // Medieval History Writing and Crusading Ideology. Ed. T. M. S. Lehtonen, K. V. Jensen. Helsinki, 2005. P. 284–301.

Jaakkola J. Suomen historia III: Suomen varhaiskeskiaika. Kristillisen Suomen synty. Porvoo, 1938.

Kappeler A. Ein ‘kleines Volk’ von 25 Millionen: Die Ukrainer um 1900 // Kleine Völker in der Geschichte Europas / Ed. M. Alexander et al. Stuttgart, 1991. P. 33–42.

Korpela J. ‘The Russian Threat Against Finland’ in the Western Sources Before the Peace of Nöteborg (1323) // Scandinavian Journal of History. 1997. № 22. P. 161–172.

Korpela J. Beyond the Borders in the European North-East // Frontiers in the Middle Ages / Ed. O. Merisalo. Louvain-la-Neuve, 2006. P. 373–384.

Korpela J. Finland’s Eastern Border after the Treaty of Nöteborg: An Ecclesiastical, Political or Cultural Border // Journal of Baltic Studies. 2002. № 33. P. 384–397.

Korpela J. The World of Ladoga. Society, Trade, Transformation and State Building in the Eastern Fennoscandian Boreal Forest Zone c. 1000–1555. Berlin, 2008.

Laruelle M. Russian Eurasianism. An Ideology of Empire. Washington D.C., 2008.

Lind J. H. 'Varangian Christianity' and the Veneration of Anglo-Saxon and Scandinavian Saints in Early Rus' // Identity Formation and Diversity in the Early Medieval Baltic and Beyond. Communicators and Communication / Ed. J. Callmer et al. Leiden, 2017. P. 107–135.

Lind J. H. Early Russian-Swedish Rivalry. The Battle on the Neva in 1240 and Birger Magnusson's Second Crusade to Tavastia // Scandinavian Journal of History. 1991. № 16. P. 269–295.

Lind J. H. Puzzling Approaches to the Crusading Movement in Recent Scandinavian Historiography. Danish Historians on Crusades and Source Editions as well as a Swedish Historian on Crusading in Finland // Medieval History Writing and Crusading Ideology / Ed. T. M. S. Lehtonen, K. V. Jensen, Helsinki, 2005. P. 264–283.

Lind J. H. The 'First Swedish Crusade' against the Finns: A Part of the Second Crusade? // The Second Crusade: Holy War on the Periphery of Latin Christendom / Ed. J. T. Roche, J. Møller Jensen. Turnhout, 2015. P. 303–325.

Lindkvist T. Crusades and Crusading Ideology in the Political History of Sweden, 1140–1500 // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1150–1500 / Ed. A.V. Murray. Aldershot, 2001. P. 119–130.

Lindkvist T. Legitimation of Power and Crusades as Europeanisation in Medieval Sweden // The Reception of Medieval Europe in the Baltic Sea Region / Ed. J. Staecker. Visby, 2009. P. 33–41.

MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East. Rough Tolerance. Philadelphia, 2008.

Maillefer J.-M. La croisade du roi de Suède Magnus Eriksson contre Novgorod (1348–1351) // L'expansion occidentale (XIe–XVe siècles). Formes et conséquences. P., 2003. P. 87–96.

Matusova V.I. Zur Rezeption des Deutschen Ordens in Rußland // Vergangenheit und Gegenwart der Ritterorden. Die Rezeption der Idee und die Wirklichkeit / Ed. Z. H. Nowak, R. Czaja. Toruń, 2001. P. 133–144.

Møller Jensen J. Denmark and the Crusades, 1400–1650. Leiden, 2007.

Morris B. St Birgitta of Sweden. Woodbridge, 1999.

Murray A.V. The Saracens of the Baltic. Pagan and Christian Lithuanians in the Perception of English and French Crusaders to Late Medieval Prussia // Journal of Baltic Studies. 2010. № 41. P. 413–430.

Nazarova E.L. The Crusades against Votians and Izhorians in the Thirteenth Century // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1150–1500 / Ed. A.V. Murray. Aldershot, 2001. P. 177–195.

Nielsen T.K. Sterile Monsters? Russians and the Orthodox Church in the Chronicle of Henry of Livonia // The Clash of Cultures on the Medieval Baltic Frontier / Ed. A.V. Murray. Farnham, 2009. P. 227–252.

Nolte H.-H. "Drang nach Osten." Sowjetische Geschichtsschreibung der deutschen Ostexpansion. Köln, 1976.

Olesen J.E. Die schwedischen Kreuzzüge nach Finnland aus der Ostsee-Perspektive // The Expansion of the Faith. Crusading on the Frontiers of Latin Christendom in the High Middle Ages / Ed. P. Srodecki, N. Kersken. Turnhout, 2022. P. 167–181.

- Olesen J.E.* The Swedish Expeditions ('Crusades') Towards Finland Reconsidered // Church and Belief in the Middle Ages: Popes, Saints, and Crusaders / Ed. K. Salonen, S. Katajala-Peltomaa. Amsterdam, 2016. P. 251–268.
- Ostrowski D.* Alexander Nevskii's Battle on the Ice: The Creation of a Legend // Russian History. 2006. № 33. P. 289–312.
- Paravicini W.* Edelleute und Kaufleute im Norden Europas. Ostfildern, 2007.
- Rein G.* Biskop Thomas och Finland i hans tid // Kring korstågen till Finland. Ett urval uppsatser tillägnat Jarl Gallén på hans sextioårsdag den 23 maj 1968 / Ed. K. Mikander. [Helsingfors], 1968. P. 11–59.
- Rein G.* Finlands forntid i Chronologisk öfversigt, åtföljd af de förnämsta händelser ur Rysslands och Sveriges Historia. Helsingfors, 1831.
- Riley-Smith J.* Some Modern Approaches to the History of the Crusades // Crusading on the Edge. Ideas and Practice of Crusading in Iberia and the Baltic Region / Ed. T. K. Nielsen, I. Fønnesberg-Schmidt. Turnhout, 2016. P. 9–27.
- Schabel C.* The Myth of the White Monks' 'Mission to the Orthodox'. Innocent III, the Cistercians, and the Greeks // Traditio. Studies in Ancient and Medieval History, Thought, and Religion. 2015. № 70. P. 237–261.
- Selart A.* Political Rhetoric and the Edges of Christianity: Livonia and its Evil Enemies in the Fifteenth Century // The Edges of the Medieval World / Ed. G. Jaritz, J. Kreem. Budapest, 2009a. P. 55–69.
- Selart A.* Russians in Livonian Towns in the Thirteenth and Fourteenth Centuries // Segregation – Integration – Assimilation. Religious and Ethnic Groups in the Medieval Towns of Central and Eastern Europe / Ed. D. Keene et al. Farnham, 2009b. P. 33–50.
- Selart A.* Gab es eine altrussische Tributherrschaft in Estland (10.–12. Jahrhundert)? // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2015a. № 10. P. 11–30.
- Selart A.* Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden, 2015b.
- Selart A.* Historical Legitimacy and Crusade in Livonia // Crusading on the Edge. Ideas and Practice of Crusading in Iberia and the Baltic Region, 1100–1500 / Ed. T.K. Nielsen, I. Fønnesberg-Schmidt. Turnhout, 2016. P. 29–53.
- Selart A.* Between Schism and Union: Russian Adversaries and Allies of the Crusaders in the Thirteenth and Fourteenth Centuries // The Expansion of the Faith. Crusading on the Frontiers of Latin Christendom in the High Middle Ages / Ed. P. Srodecki, N. Kersken. Turnhout, 2022. P. 251–266.
- Selart A.* Rus' as a Target of the Crusades: History and Historical Memory // Crusading against Christians in the Middle Ages / Ed. N. Chrissis, M. Carr, G. Racagnini (в печати)
- Serczyk J.* Die Wandlungen des Bildes vom Deutschen Orden als politischer, ideologischer und gesellschaftlicher Faktor im polnischen Identitätsbewußtsein des 19. und 20. Jahrhunderts // Vergangenheit und Gegenwart der Ritterorden. Die Rezeption der Idee und die Wirklichkeit / Ed. Z. H. Nowak. Toruń, 2001. P. 55–64.
- Srodecki P.* Antemurale Christianitatis. Zur Genese der Bollwerksrhetorik im östlichen Mitteleuropa an der Schwelle vom Mittelalter zur Frühen Neuzeit. Husum, 2015.
- Tommila P.* Suomen historiankirjoitus. Tutkimuksen historia. Porvoo, 1989.
- Tyerman C.* God's War. A New History of the Crusades. Cambridge MA, 2006.
- Urban W.* The Baltic Crusade. Chicago, 1994 (2nd ed.).

Urban W. The Baltic Crusade. De Kalb, 1975.

Waśko A. Crusades in Finland and the Crusade Ideology in Sweden from the 12th to 14th Centuries // *Quaestiones medii aevi novae*. 2013. № 18. P. 257–280.

Wijermars M. Memory Politics in Contemporary Russia. Television, Cinema and the State. London, 2018.

Wippermann W. Das Bild der mittelalterlichen deutschen Ostsiedlung bei Marx und Engels // *Germania Slavica* / Ed. W.H. Fritze. B., 1980. Vol. 1 P. 71–97.

Wippermann W. Der “Deutsche Drang nach Osten.” Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes. Darmstadt, 1981.

Перевод С.И. Лучицкой